

Концепт “Ут” в художественных текстах (на примере фрагментов татарской классической литературы)

Л.Х. Шаяхметова, К(П)ФУ

Для полного воссоздания «ценностного содержания» концепта «Ут» в татарской языковой картине мира необходимо также обратиться и к текстам татарской классической и современной художественной литературы, чтобы оценить такие признаки огня, как «мудрость», «преемственность», «вечность», степень сохранности его ценностного значения, а также выявить новые семантические признаки. Так как «именно язык в процессе исторического развития становится кодом, впитывающим в себя этнопсихологические и этнокультурные «гены» народа и в поэтической речи эти самые «гены» в той или иной степени получают свое яркое отражение» [Бакиров 1999: 86].

Как бы не менялась эпоха и взгляды на те или иные явления, вечные духовные истины в сознании человечества сохраняются. Духовными силами всех народов мира создается «храм культуры», частью которых является и тюрко-татарская духовная культура, фрагмент которой мы рассматриваем в рамках языковой реализации лингвокультурного концепта «Ут».

Если и тюрко-татарскую духовную культуру условно представить в форме некоего «сооружения», «фундамент» которого был заложен мифами, и проследить за «участием» исследуемого концепта в его создании, можно увидеть, что «Ут», являясь одним из основных «строительных блоков», был заложен в «фундаменте» - мифах, затем получил развитие в «ярусе» фольклора, далее – в «ярусе» классической литературы и активно продолжает функционировать в современной литературе.

Комментарий-отзыв татарского ученого-филолога Р. Ахметьянова к поэме Кутба «Хосров и Ширин», которую он перевел на современный татарский язык, красноречиво свидетельствует о признаках «мудрость», «вечность» и «преемственность» огня и может явиться предисловием ко всей последующей духовной культуре татар:

*Алты гасыр элек бер ут ягылган –
Алты йөз илле ел элек язылган.*

Бу кыйсса, нәкъ төрки токым шикелле
Бердәнбер нәсхәдән шытып үрчедә.
Жаһил динче **утка** ташлаган аны,
Ләкин **ут** үзе соң **утта** янамы?
Явыз дошман килгән – аңа көл салган,
Ләкин көл эчендә **утлы куз** калган.
Заманалар килде – кузны кужгытты.
Бу кыйсса-ут безнең чорга да **житте**.
Төрле төрки халык аннан **ут** ала,
Һәр теләгән моннан **акыл** отала.

букв. (здесь и далее по умолчанию – перевод автора)

*Шесть веков назад **зажегся один огонь** –
Написан шестьсот пятьдесят лет назад.
Эта легенда, словно тюркский род,
Размножилась с одного единственного экземпляра,
Религиозный фанат ее бросил **в огонь**,
Но разве **в огне сгорает огонь**?
Пришел враг – накрыл **огонь золой**,
Но в золе сохранилась **головешка**.
Пришло время – ее **разожгли**.
Эта **легенда-огонь** дошла и до нас.
Разные тюркские народы “питаются ее **духовным огнем**”,
И каждый желающий извлекает из нее мудрость.*

В данном контексте лексема “написан” приобретает семантику огня – создание легенды ассоциируется с разжиганием огня, ее размножение – со способностью огня стремительно воспламеняться, а попытка ее уничтожения – с тушением. Признак легенды “огонь” обуславливает ее несгораемость. А в случае тушения остаются уголья, один из которых и является ассоциатом легенды. Таким образом, данный контекст репрезентирует признаки “мудрость”, “духовное наследие”, “несгораемость” концепта “Ут”.

Данные признаки являются раскрытием сущности не только указанной поэмы, но и всей тюрко-татарской духовной культуры, в частности, художественной литературы, которая, согласно выдвинутой гипотезе, является “огнем-наследием” нашего этноса.

Среди вербализаторов концепта “Ут” есть и лексема *нур*. В переводе имеет значения “луч”, “свет”. Но в сознании татарского народа более актуальным является не физическое значение этой лексемы, а “внутреннее”, духовно-ценностное. Поэтому в татарских произведениях довольно часто встречаются лексемы “нур” и “нурлы”. Характеристика обожествленного героя при помощи лучезарного света сияния – “нур” берет начало еще в верованиях хуннов

[Бакиров 1999: 84], которая находит продолжение в памятниках древней литературы – “Сказании о Йусуфе” Кул Гали, народных эпосах “Тахир – Зухра”, “Кузы Курпач и Баян-сылу”, где главные герои обладают *лучезарными (нурлы)* лицами, которые озаряют и покоряют всех, кто с ними общается. Эта лучезарность исходит из их душ (признак “душевность”), это – духовный свет, их высокая нравственность.

Также нельзя упускать из виду и то колоссальное воздействие, которое оказала на средневековую поэзию тюрков классическая арабо-персидская поэзия (ее мы также рассматриваем в контексте нашей проблемы), высокую роль и сакральную сущность огня в которой определяет религия зороастризма. Хотя характер поклонения огню тюрков несколько отличается от зороастрийского, влияние такой масштабной идеологии на духовную культуру мира не вызывает сомнений. В поэме Фирдауси «Шахнамэ» есть фрагмент «проверки и очищения огнем» (признак «очистительность»). Светозарному Сиявушу, подвергнутому необоснованному обвинению в прелюбодеянии со своей мачехой, для доказательства своей невиновности и чистоты приходится совершить древний ритуал – пройти сквозь огонь (по преданиям, невинный человек выходит из огня живым-невредимым, становясь еще более светозарным, а грешный – сгорает). На поле разжигают огромный костер, который приводит в ужас весь собравшийся народ – костер ассоциируется с огнем ада (тәмуг уты). Но огонь не губит святость и истину (признак “справедливость”) – юноша выходит из огня живым [Фирдәүси 2003: 140-141]. В данном фрагменте мы видим, что «настоящая драгоценность, истина, воплощенная в лучезарном свете», негоряема, она вечна.

Сему *лучезарность, светозарность* можно найти и в исповедуемой многими тюркскими народами религии – исламе. В Коране свет – символ Аллаха (XIV, 35: «Аллах есть свет небес и земли... Он приводит того, кого хочет, к Его свету...»). Согласно хадису, “Господь есть тот единый свет, от которого произошли все светы”. Светоносны в исламе и пророки. На одной из шестидесяти миниатюр парижской рукописи “Ми`радж-наме» Бурак, несущий

Мухаммада, и Джибра`ил утопают в волнах золотого света» [Бертельс 1997: 379]. Суры (“Свет” (24), “Железо” (57) и др.) повествуют о духовном свете и призывают сохранять его на протяжении всей своей жизни, в обратном случае грешник попадает в огонь ада (*тәмуг уты*) для очищения [Коран 1996].

Философия света нашла отражение и в труде “Татарская литература: традиции и взаимосвязи” ученого-филолога Р.К.Ганиевой: “Арабоязычная философия, - пишет она, - как и греческая, объясняла мир четырехступенчато: Аллах – Разум – Душа – материальная вселенная. Это зафиксировано в арабской “Теологии Аристотеля” – Бог путем эманации, т.е. изливания солнечных лучей, порождает Мировой Разум (Акл аль-кулль), а тот, излучая свет, создает Мировую Душу (Нафс аль-кулль), из которой как сгусток света различной интенсивности истекает материя (мадда) в ее многообразных проявлениях” [Ислам 1991: 154, 193]. Так, примерно с IX века в арабо-язычной философии, в мусульманском неоплатонизме в особенности, утверждается монистическая теория «божественного света» (по арабски «ишрак»), согласно которой творец передает светоносную энергию сначала Мировому Разуму, через него Мировой Душе, а затем природе и вещам. Идея отождествления Бога со светом, солнцем, огнем получила свое развитие во многих религиозных системах древности и средневековья. Все религии считаются одинаковыми лучами Единого Солнца [Ганиева 2002: 15].

Впоследствии мотив *светозарности* нашел место во многих художественных произведениях мусульманского мира.

Как и основа любого национального кода, воплощающего в себе этнопсихологические особенности народа, духовная основа концепта «Ут» закладывается в детстве (при условии здоровой национальной среды) – в окружении семейного очага, родной земли. На ментальном уровне эта основа присутствует в сознании каждого представителя татарского народа, иначе ее языковая реализация, осуществляемая творческими натурами – чиченами, певцами, поэтами, писателями, просто не была бы так осознанно и тепло принята и понята народом.

Особенно полны «духовно-ценностного огня» произведения, отличающиеся народностью, безыскусственностью, простотой и доступностью изложения. Ярчайшим примером чему являются стихи «солнца» татарской поэзии, великого поэта татарского народа Габдуллы Тукая:

*Бәрсә дә дулкыннарың, һич алмады, гаркь итмәде;
Алды дүрт ягымны **ялкын, якмады**, харкь итмәде.
Бу сәбәптән аңладым мин, и туган жирем, синең
Жанга ягымлы икәндер **ялкының** вә дулкының!
“Туган жиремә”*

*Хоть твои хлестали волны, челн мой не пошел на дно,
Хоть твое **палило пламя, не сожгло** меня оно,
И поэтому я понял, край мой, истину одну,
Что душа равно приемлет и **огонь** твой, и волну.
“Родной земле” (пер. А. Ахматовой)*

В следующем фрагменте поэт восхищается национальной мелодией-моң, воплощающей в себе и светлую грусть, и глубокую скорбь, и “духовный огонь” татарского народа (признак “духовное наследие”):

*Милли хисләр белән **ялкынланып**,
Сызлып-сызлып чыга күңленнән.
“Милли моңнар”*

*Национальные моң-мелодии, пламеная,
Выливаются из его души
“Национальные мелодии”*

Наряду с “духовным огнем” в поэзии Г. Тукая, и вообще в татарской литературе находит место и огонь как “свет разума”, отличающегося от первого рациональностью своей сути:

*Татарда да **гыйрфан уты кабынганны**
Күрсәтергә күтәреп тәтен кеше!
“Шиһап хәзрәт “;
букв. Народ-дым поднялся, дабы показать,
Что и у татар зажегся **огонь разума!**
“Шихап хазрат”;*

Также поэт использует лексему **огонь** как “пламя сердца, творческое пламя”:

*Күкрәгемдә минем **шигырь утым** саумы? – “Шагырь»
букв. Живо ли в моей груди стихотворное **пламя?** – “Поэт”*

В следующем контексте “ут” представляется светом знаний, “солнцем” мыслей. “Свет” противопоставляется “тьме”, что тяготеет к смысловой оппозиции *свет-знания / тьма-невежество*:

Күз карашыңда синең дөнья күренде мәнҗе төн;
Киттең эзләп син, аны **яктыртмага, идеал утын**. <...>
Мин әле хәйран һаман да, белмәдем ни булганын;
Нәрсәгә артка карыйсың, **утка** калгач бер адым? <...>
Ялтырау күрдөңме артта? **Ут** түгел ул – алтын ул;
Юк мөкатдәс **нур** да анда, юк **жылылык** – салкын ул. <...>
“Даһигә”

Открылся мир твоим глазам, и ты увидел мрак ночной.
И ты пошел искать **огонь**, чтоб **светлым** сделать мир земной.
Зачем же оглянулся ты назад, туда, где прежний мрак,
Когда **до света, до огня** остался лишь короткий шаг?
Ты блеск увидел позади, но это золото – не **свет**,
А золото – оно мертво, ведь в нем **тепла живого** нет.

“Гению” (пер. Я. Хелемского)

Следует отметить, что этот “свет разума” также, как и “пламя сердца”, является универсальным, общечеловеческим понятием. Например, русский критик Н. Асеев, обладавший повышенной чуткостью к русскому слову, размышляя над смыслом знаменитой лермонтовской строки: “Из пламя и света рожденное слово”, пришел к выводу, что “пламя” – это как бы внутреннее горение человека, его сердечное пламя, а “свет” – это свет разума, которому подчиняются все чувства человека. За этими рассуждениями Н. Асеев давал глубокое толкование самой природы поэзии, в которой органично сливаются стихия мысли и стихия чувства, в которой напряженно идут поиски гармонии, красоты, одухотворенности поэтического слова, иначе говоря, особенно интенсивно протекает процесс создания новых эстетических ценностей [Дементьев 1980: 5].

Но особенность восприятия татарами огня тем и отличается от русского, что к «пламени сердца» и «свету разума» «примешивается» **ментальный фактор**, который и формирует “духовный огонь” (“огонь-наследие”), например, который выражен в следующих стихотворениях народного поэта Сибгата Хакима, также являющегося приверженцем народнопоэтического стиля, в творчестве которого также горит “духовный огонь”, выражающий любовь к родной земле. В предложенном произведении семантику огня приобретают колосья в поле, “внутреннее горение” которых передается и автору:

Яннарына барам агайларның,	букв. Подхожу к колосьям-братцам,
Фикерләрен ишетеп карарга.	Чтоб послушать их мысли.
Жырларымда телим гомерем буе	В своих песнях желаю я всю жизнь

Алар рухы белән янарга.
“Жырларымда телім”

Гореть их духом.
“Желаю в своих песнях”

В произведении “Учак” (“Костер”) проведена ассоциация одиночного костра с духовным наследием народа. Поэт продлевает его “жизнь” в своем стихотворении, что добавляет в круг признаков концепта еще один признак – “преемственность”. Данный контекст также выявляет смысловую оппозицию *временное/вечное* в признаках “способность к угасанию” физического огня, и “вечность” духовного:

Яр буенда ялгыз бер **ут яна**,
Кем ял иткән анда? Кем **яккан**?
Туктап мин дә жыеп чыбык салдым,
Аерылуы кыен **учактан**.
Ташлап китәр идем – бик кызганам,
С үнәр көйрәп торган күмере.
Яңадан соң аны кем тергезер,
Дэвам итсен өчен гомере.
Шигырь итеп яздым сине, **учак**, -
Син күпмегә кадәр яшәрсең?
Тиз с **үнәрлек** булсаң, мин яныңда,
Кабызырмын, миңа дәшәрсең!
“Учак”

букв. На берегу **горит** одинокий **костер**,
Кто отдыхал там? Кто его **разжиг**?
Остановившись, и я подбросил в него веток,
Трудно отозваться от **костра**.
Оставил бы – жаль,
Ведь **погаснут** тлеющие угли.
Кто потом его **разожжет**,
Чтоб его жизнь продолжилось снова?
В стихотворение тебя я обратил, **костер**, -
Как же долго ты проживешь?
Но если жизнь твоя коротка и ты можешь **погаснуть**,
Я – рядом,
Позови – и я **разожгу** тебя!

“Костер”

В стихотворении “Огонь в очаге” татаро-башкирского поэта Ангама Атнабаева прослеживается связь огня с домом (выявляющая признак “род, наследие”), с родной землей, с положением в обществе:

Утың булса, синең йорт-жирең бар, букв.Если есть огонь ,значит,есть дом-земля,	
Дәрәжәң бар, исем-атың бар.	Есть имя, есть почет.
Күкрәгеңне алга чөеп кенә	Есть полное право общаться
Сөйләшергә тулы хакың бар.	С гордо поднятой головой.
Ата-бабаларның учак уты	Огонь костра древних предков
Янды дөрләп, янды с үрелеп...	Горел то сильно, то несмело...
Безнең заманнарга килеп житте ,	И дошел до наших дней,

С үнәм дигән чакта терелеп.
Халкыбызның учак уты яна...
Яман-ятлар күзе тимәсен!
...Йөрәк уты берчак с үнер инде,
Учак уты бер үк с үнмәсен!
С үнмәсен!
 “Учак уты”

Едва не погаснув.
Горит огонь в очаге нашего народа...
Пусть не тронет его взгляд чужих!
...Сердечный огонь когда-нибудь погаснет,
Лишь бы не погас огонь в очаге!
 Только бы **не погас!**
 “Огонь в очаге”

В следующем контексте также выражена семантическая связь отношений *сердечный огонь* – *огонь нации*, где первое является частью второго, так как необходимым признаком творчества, вдохновения (в результате которых рождается духовное наследие) являются “впечатлительность”, “переживания”, связанные с эмоциональным миром человека, т.е. с “сердечным огнем”. А. Атнабаев обладал действительно “пламенным” сердцем, которое “освещало” путь заблудившимся в жизни (признак “свет”), “согревало” “остывшие” души, призывало любить жизнь и наполнять ее смыслом (признак “тепло”):

<i>Ничек янсаң, шулай ян, әйдә!</i>	букв. <i>Давай гори, как можешь!</i>
<i>Көчлерәк ян</i>	<i>Сильней гори,</i>
<i>пыскып яна күрмә,</i>	<i>не тлей,</i>
<i>Пыскып янсаң, нигә кирәк син?!</i>	<i>Зачем ты нужно, если будешь тлеть?!</i>
<i>Хәлең бетеп,</i>	<i>А на исходе сил,</i>
<i>с үнәр вакыт җиткәч,</i>	<i>Когда придет пора угаснуть,</i>
<i>Күмерләнеп с үнмә -</i>	<i>Не тлей углем -</i>
<i>кинәт с үн!</i>	<i>Погасни вмиг!</i>
“Йөрәк белән сөйләшү”	“Разговор с сердцем”

Использованная литература:

1. Атнабаев, Ә. Халык шагыйре./ Ә. Атнабаев. – Уфа, “Рухият” фонды, 2000. – 390 б.
2. Бакиров, М.Х. Генезис и древнейшие формы общетюркской поэзии: автореф. дисс....д-ра филол. наук. 10.01.02. / Казан.гос.ун-т. – Казань, 1999. – 96 с.
3. Бертельс, А.Е. Художественный образ в искусстве Ирана IX-XV веков (слово, изображение) / А.Е. Бертельс. – М.: Изд-ая фирма «Восточная лит-ра» РАН, 1997. – 422 с.
4. Ганиева, Р.К. Татарская литература: традиции и взаимосвязи / Р.К. Ганиева. – Казань, Изд-во КГУ, 2002. – 272 с.
5. Дементьев, В.В. Мир поэта: Личность. Творчество. Эпоха / В.В.Дементьев. – М.: Сов.Россия, 1980. – 480 стр.
6. Коран. Пер.с араб.акад. И.Ю. Крачковского. Предисл.к изд.1986 г. П. Грязневича; предисл.к изд. 1963 г. В. Беляева, П. Грязневича. – М.: СП ИКПА, 1990. – 512 с.
7. Тукай, Г. И мөкатдәс моңлы сазым.../ Саз мой нежный и печальный...: Шигырьләп / Г. Тукай. – Казан: Мәгариф, 1999. – 143б.

8. Фирдәүси. Шаһнамә / Фирдәүси. – Казан: ТКН, 2003.

9. Хәким, С. Жылы сүз. Шигырьләр, поэмалар./ С. Хәким. – Казан: Тат.кит.нәшр., 1958. – 488 б.